

7. From exclusion to inclusion in old age: A global challenge / Ed. by N. Scharf, N. C. Keating. – Bristol, UK: Polity Press, 2012. – 192 p.

8. World Migration Report 2022 [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>. – Date of access: 10.02.2023.

9. Каслс, С. Век миграции: международное движение населения в современном мире / С. Каслс, де Х. Хаас, М. Миллер, пер. с англ. под науч. ред. В. С. Малахова. – Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 512 с.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск

I. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+378

ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DISCOURSE OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN SOCIAL-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

В статье осуществлена историко-философская реконструкция основных подходов к осмыслению феномена исторической памяти. Историческая память определена как разновидность социальной памяти, зависящей от социальных рамок, определяющих, что будет зафиксировано в памяти, а что нивелировано в актах забвения. В качестве основного вывода утверждается идея о том, что историческая память представляет собой социальный конструкт, т. е. результат культурно-исторического творчества, предполагающий принятие прошлого в акте решительного восприятия судьбы своего народа как собственной жизненной проекции в будущее.

Ключевые слова: историческая память; культурная память; коммуникативная память; история; забвение; травма; будущее.

The author of this article carried out historical and philosophical reconstruction of the basic approaches to comprehension of a phenomenon of historical memory. In this article, historical memory is defined as a kind of social memory, which depends on the social framework that determines what will be recorded in the memory and what will be leveled in the acts of forgetting. The main conclusion is the idea that the historical memory is a social construct, it is the result of cultural-historical creativity, which assumes, that people takes the past in the act of decisive acceptance of destiny of own people as their own vital projection into the future.

Keywords: historical memory; cultural memory; communicative memory; history; forgetting; trauma; future.

Человек как социальное существо обладает исторической памятью, включающей в себя не только нарратив о событиях прошлого, но и опыт,

представляющий результат осмысления прошлых поступков и проектирующий образ будущего. Историческая память – это разновидность социальной памяти, присущей определенной социальной общности и функционирующей в определенных «социальных рамках». Она является важнейшим элементом культуры, выступая основой для создания ценностей, смыслов, а также их транслятором будущим поколениям. Историческая память задает единый пространственно-временной континуум социального бытия как индивида, так и социальной группы, оказывая влияние на развитие человека и общества [1]. В начале XXI в. актуальность тематики исторической памяти связана с несколькими проблемами: во-первых, с поиском интегрирующего начала для нации, социального сообщества; во-вторых, с решением вопроса о самобытности и независимости национального государства, в-третьих, с определением стратегического вектора будущего развития национального государства в ситуации глобальных кризисов и угроз выживанию человечества в целом.

Дискурс исторической памяти включает различные подходы к выявлению специфики феномена исторической памяти. Один из влиятельных подходов был представлен французским социологом М. Хальбваксом, автором понятий «коллективная память» и «память нации». Его главным открытием стала историзация коллективной памяти [2], что дает основание рассматривать коллективную память как историческую. Коллектив – это субъект памяти, обладающий как автобиографической (индивидуальной), так и социальной памятью, которые, в свою очередь, являются составной частью социального мышления и представляют совокупность воспоминаний, т. е. коллективных представлений, подверженных изменениям под влиянием времени и обстоятельств. Историческая коллективная память существует в определенных «социальных рамках», благодаря которым она организует и конституирует повседневный опыт. Вслед за М. Хальбваксом понимаем «социальные рамки памяти» как систему социально санкционированных, устойчивых и прошедших проверку времени воспоминаний. Социальные рамки представляют социально-мемориальный каркас памяти, определяющий для человека «чувство реальности».

Согласно мысли М. Хальбвакса, не только возможно, но и необходимо создать историю памяти, под которой исследователь понимал исторически описанный процесс, в ходе которого люди в процессе социального взаимодействия научаются что-либо помнить или разучиваются помнить. Следовательно, именно речь является главным инструментом и предпосылкой исторической коллективной памяти. Память творится языком и посредством языка транслируется, в пространстве языка она создает общий исторический континуум, в котором существует и действует социальная группа.

Различие индивидуальной и групповой памяти для М. Хальбвакса имеет принципиальное значение. Именно коллектив является субъектом памяти, а социальная память – знание, которое, коллектив распределяют между сво-

ими членами, осуществляя функцию интеграции и сплочения. Память образует «замкнутую систему», элементы которой взаимосвязаны и взаимобусловлены. Такая «сцепка» элементов позволяет человеку и социальной группе, имеющим разный опыт восприятия и переживания исторического события, находиться в одной системе исторических координат, разделять общие ценности, оперировать одними и теми же смыслами. Как писал М. Хальбвакс: «...память зависит от социального окружения» [2, с. 27] и далее «чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память» [2, с. 28]. На основании этого мыслитель сделал следующий значимый вывод: «В таком смысле получается, что существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [2, с. 29]. Социальные рамки памяти не создаются задним числом, они подвижны и зависимы от тех образов прошлого, которые воссоздаются коллективной памятью в соответствии с господствующими идеями сообщества.

Таким образом, правомерно говорить о функциональной природе исторической коллективной памяти. Так, коллективная память выступает ориентиром в мире повседневного, т. е. проводит четкую дифференциацию в прошлом на сакральное и профанное события; превращает историческое событие в источник, в нравственный урок для будущих поколений; однако в связи с изменением социальных рамок трансформирует оценку исторического события в пространстве коллективной памяти.

Интересный подход к исследованию социальной исторической памяти предложил немецкий египтолог Я. Ассман, разработавший концепцию культурной памяти [3]. Проанализировав культуру памяти у древних обществ, а также способы создания воображаемого образа постижения прошлого, Я. Ассман пришел к выводу о том, что историческую культурную память формируют как чувство единства у членов общества, так и чувство единства с уже ушедшими поколениями. Таким образом, прошлое возникает лишь в силу того, что к нему обращаются, актуализируют его в настоящем.

Целесообразно отметить, что Я. Ассман, в отличие от М. Хальбвакса, критически отнесся к идее антропоморфизации памяти общества, отметив, что «коллективы не обладают памятью, но обуславливают память своих членов» [3, с. 36]. Память у человека формируется в результате коммуникации и социализации, она индивидуальна ввиду уникальности комбинаций воспоминаний, но одновременно и социальна по своему происхождению. Поэтому историческая память, не исключая индивидуальности образов, идей, является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и ситуацией настоящего. «Прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [3, с. 50]. Прошлое, конституируемое исторической памятью, обусловлено, согласно мысли Я. Ассмана, двумя модусами памяти: коммуникативной

и культурной. Коммуникативная память – это воспоминания, актуализирующие недавнее прошлое и творящиеся здесь и сейчас в непосредственном процессе социальной коммуникации (память поколения, память группы сверстников). Культурная память имеет дело с обосновывающими воспоминаниями, относящимися к абсолютному прошлому. Такая память носит символический и мифологический характер, она институционализована. Ритуал, календарь праздников, исторический нарратив – это точки фиксации, удерживающие целостность культурной памяти. Время, охватываемое исторической культурной памятью, это абсолютное прошлое, мифическая древность. Воспоминания, составляющие содержание культурной памяти, призваны обосновывать идентичность социальной группы. Образ реальности, сохраняющийся в памяти, первоначально преломляется в сознании человека и проходит сквозь призму коммуникативной памяти, т. е. он изменчив. Поэтому правомерно утверждать, что не существует объективных, чистых фактов памяти. Память – это результат причудливых комбинаций образов, порожденных коммуникативной и культурной памятью.

Голландский философ Ф. Р. Анкерсмит анализирует историческую память сквозь призму концепта «исторический опыт». В работе «Возвышенный исторический опыт» исследователь настаивает на возвращении исторического опыта в историю как науку и как нарратив. Только благодаря опыту история раскрывается как мир травмы и возвышенного, т. е. становится доступной восприятию, переживанию, а значит пониманию. Основным тезисом Ф. Р. Анкерсмита стала мысль о том, что «наше отношение к прошлому определяется через боль и утрату» [4, с. 4]. Благодаря концепту «возвышенный исторический опыт» голландский мыслитель попытался показать, как и почему человек оказывается захваченным коллективным прошлым. Возвышенный исторический опыт конституирует прошлое как «неотвратимую» реальность и выступает инструментом для его осознания. Соответственно, посредством опыта прошлое становится частью нас самих, частью нашей телесности. Забвение прошлого определяется как «интеллектуальная ампутация».

Ф. Р. Анкерсмит провел различие между тремя типа исторического опыта: 1) объективный исторический опыт, под которым подразумеваются представления людей прошлого о своем мире; 2) субъективный исторический опыт; 3) возвышенный исторический опыт, т. е. обособление прошлого от настоящего, в котором только и возможно для прошлого обретения бытия. «Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и создающего бесповоротную утрату прежнего мира. Тогда его сознание оказывается сценой, на которой разыгрывается драма мировой истории. Тогда судьба цивилизации находит отклик в его уме...» [4, с. 368]. Ф. Р. Анкерсмит сравнивает возвышенный исторический опыт с откровением, которое неожиданно обрушивается на нас. Такой опыт обладает «полнотой в себе», это чистое переживание прошлого.

Интересно в контексте проблематики исторического опыта и памяти раскрытие феномена забвения у Ф. Р. Анкерсмита. «Тот, кто требует от себя забыть, признается, что помнит» [4, с. 433]. Даже когда человек в отношении к своему прошлому пытается дистанцироваться от него или отделить часть исторического опыта от коллективной исторической идентичности, он вынужден помнить, удерживать в сознании то, что он забывает. Парадокс забвения заключается в том, что, стремясь забыть, человек оказывается тем, кем он уже больше не является, т. е. его идентичность конституируется отказом от прежней идентичности. Ф. Р. Анкерсмит высказал точку зрения о том, что наша идентичность находится в прошлом, она исторична и формируется как историческим опытом, так и забвением. Голландский мыслитель классифицировал четыре типа забвения: 1) забвение истории повседневности; 2) непреднамеренное забвение как психологический сдвиг: увидеть то, что ранее не замечалось, т. е. осуществить нечто на подобии психоанализа по отношению к историческому опыту и памяти; 3) преднамеренное забвение болезненного прошлого, результатом которого становится вытеснение, чья парадоксальность заключается в том, что одновременно происходит как забвение, так и сохранение в памяти травматического опыта, т. к. невозможно забыть то, что требуется забыть; 4) забвение как отказ от прежнего потерянного мира. Если с помощью третьего типа забвения от травмы можно избавиться, то четвертый тип забвения сохраняет травму, напоминая о невозможной потере прошлого. Травма подобного рода будет с нами всегда как основание новой идентичности: я уже не тот, кем был раньше, и этот новый мир непереносим для меня из-за утраты прежнего бытия. Другими словами, я не есть, но я знаю, кем был. Памятование травмы является началом конституирования новой идентичности и коллективной памяти. Память начинается с забвения, вызванного «болью Прометея», трансформирующее прошлое из объекта «желания быть» в объект «желания знать». Именно так рождается история, стремящаяся преодолеть разрыв между бытием и знанием. Таким образом, историческая память – это пространство исторического повествования, прерывающееся разрывами-забвениями – травмами, выступающими точками отсчета для нового самоописания, в котором «боль Прометея» становится морским узлом, привязывающим нас к прошлому.

Историческая память не статична, а динамична. Для раскрытия ее динамичной природы обратимся к концепции немецкого историка и культуролога А. Ассман. Память – это не просто совокупность воспоминаний, а пространство, в котором осуществляются меморативные акты. Соответственно, память и история не находятся в оппозиции друг к другу, напротив, воспоминания осуществляются в пространстве напряжения между двумя полюсами: субъективным опытом и культурной коммеморацией. Такое напряжение проявляется на трех уровнях исторической памяти: субъективной (коммуникативной), коллективной и культурной памяти. Важно отметить, что вне социального взаимодействия человек не может обладать памятью,

так как воспоминания проявляются и оформляются только в процессе коммуникации; т. е. память связана с языком и вне языка ее нет [5, с. 217]. Временной горизонт задается поколенческой памятью, сводящей многообразные, противоречивые индивидуальные воспоминания в целостность коллективного опыта.

Коллективная память – это транспоколенческая, социальная, долговременная память общества. «Коллективная память – это политическая память. ...она характеризуется сильной гомогенизацией» [5, с. 223]. Картография этого типа памяти сложнее, чем коммуникативной: она представляет пространство напряженности между позициями «победители и побежденные», «жертвы и преступники». Коллективная память функционально двойственна: с одной стороны, она выступает основанием интеграции нации, с другой стороны, она взрывоопасна, так как придает историческому воспоминанию «прочность идеологического фундамента», который при смене политических элит может превратиться в пространство насилия (например, современные «мемориальные войны»). Вместе с тем помнят историю и побежденные, лишенные права ее озвучить, но транслирующие ее посредством символических образов. При ломке политического строя, социальной трансформации противостояние памяти победителей и побежденных опасно развязыванием нового конфликта, к сожалению, не только в пространстве «точек памяти», но и на поле боя. В отличие от памяти побежденного, память жертвы необязательно сопровождается ненавистью и жадой реванша. Ее конститутивным ядром выступает коллективная травма, память о которой является основанием коллективной идентичности. Напротив, память преступника, хоть и связана с сильнейшим эмоциональным аффектом, конституируется желанием забыть: «насколько просто помнить о чужой вине, настолько же трудно сохранять память о вине собственной» [5, с. 227].

Метатеоретическим уровнем коммуникативной и коллективной памяти выступает, согласно мысли А. Ассман, культурная память. Ее содержанием является весь комплекс наследия символический форм. Носители культурной памяти – это такие артефакты, как тексты, картины, скульптуры, памятники, праздники, ритуалы, обычаи. Все это составляет культурное наследие, которое нуждается в постоянной интерпретации и обновлении и подлежит освоению посредством обучения. Главным специфическим отличием культурной памяти является ее способность обеспечивать устойчивость совместного опыта и воли, что, в свою очередь, позволяет всем членам общества осуществлять коммуникацию в долгосрочной исторической перспективе. Таким образом, культурная память не только связывает поколения и включает в процесс коммуникации с прошлым, она делает общество историчным, творящим настоящее и будущее из прошлого. Даже если значимые артефакты культурной памяти разрушаются, то сам акт разрушения и зафиксированный образ разрушенного (постамент памятника, фотография и т. д.) становятся конститутивными элементами памяти, за-

фиксированными в ней как след посредством той боли, которую принесло разрушение. Отзвук боли от утраты предстает как символическая форма наследия, которое вызывает не только к сохранению, но и к трансляции последующим поколениям. «В памяти остается лишь то, что не перестает принимать боль» [5, с. 110].

На проблему изменчивости исторической памяти как разновидности социальной памяти, ее соотношения с историческим сознанием обратил внимание английский теоретик Д. Тош [6]. В отличие от исторического знания, которое с трудом подвергается трансформации, коллективная историческая память пластична. Согласно его мысли, коллективная память является надбиологической функцией, хранилищем опыта, позволяющим сформировать идентичность и породить чувство причастности, что, одновременно, даст возможность индивиду оценить направление собственного развития, т. е. память выступает в качестве компаса. Историческая память в социальной проекции понимается как социально мотивированный взгляд из прошлого на развитие в настоящем и будущем. При этом она не свободна от искажений, причинами которых являются: уважение к традиции, которое может замалчивать перемены или отрицать их; ностальгия, сквозь призму которой изменения трактуются пессимистично, что приводит к толкованию прошлого как альтернативы будущему; вера в прогресс, которая, наоборот, может неоправданно наделять перемены положительным содержанием и при этом принижать значимость прошлого. Преобладание той или иной причины искажения определяет в целом вектор социальной эволюции и роль социальной исторической памяти в обществе [1].

В качестве заключительного вывода целесообразно отметить, что представленные и проанализированные подходы к определению и раскрытию сущности исторической памяти в современном социально-гуманитарном знании, несмотря на то, что имеют концептуальные различия, схожи в том, что определяют этот тип памяти как результат социального конструирования, который в большей степени подобен процессу культурно-исторического творчества, а также является результатом как индивидуального, так и коллективного принятия «живого» прошлого в акте решительного восприимчивости судьбы своего народа как собственной жизненной проекции в будущее.

Список использованных источников

1. *Сидоренко, И. Н.* Социальная историческая память: основные подходы и специфика / И. Н. Сидоренко // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования Беларуси: современное состояние и перспективы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 мая 2022 г. / редкол.: Н. И. Плетаева [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2022. С. 98–101.
2. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издание, 2007. – С. 27–28.

3. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 36.

4. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Издательство «Европа», 2007. – С. 4.

5. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман; сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 222.

6. Тош, Д. Стремление к истине / Д. Тош. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000.

(Дата подачи: 01.02 2023 г.)

Н. В. Струтинская

Белорусский национальный технический университет, Минск
Республиканский институт высшей школы, Минск

N. Strutsinskaya

Belarusian National Technical University, Minsk
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 316.7:101

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

COMMUNICATION STUDIES IN THE PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY: MAIN DIRECTIONS

Исследования XX в. раскрыли различные аспекты коммуникации, однако целостное систематизированное представление о данном феномене еще формируется. Автор статьи проведен теоретический анализ исследований коммуникации в философии XX в. и классифицированы подходы к пониманию, раскрытию механизмов, смыслу процессов и функций коммуникации. Были выделены четыре основных направления: «человек-коммуникация-мир», «человек-коммуникация-общество», коммуникация в связи с такими феноменами, как язык, понимание, сознание и собственно визуальная коммуникация. Также автор выявляет возможные воздействия коммуникации на социальную реальность, ее динамику.

Ключевые слова: коммуникация; визуальная коммуникация; процесс; социальная динамика; социальная реальность.

Research in the 20th century has uncovered various aspects of communication, but a holistic, systematic view of the phenomenon is still forming. The author of the article conducts theoretical analysis of research of communication in the philosophy of the XX century and classifies approaches to understanding, revealing mechanisms, meaning of processes and functions of communication. Four main directions were identified: «human-communication-world», «human-communication-society», communication in connection with such phenomena as language, understanding, consciousness and actual visual communication. The author also identifies the potential impact of communication on social reality, its dynamics.

Keywords: communication; visual communication; process; social dynamics; social reality.